

ТРАНСФОРМАЦИОННАЯ И ТРАНСАКЦИОННАЯ ФУНКЦИИ ХОЗЯЙСТВЕННОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ (ИСТОРИКО-ЭКОНОМИЧЕСКИЙ ОЧЕРК)¹

Дятел Евгений Петрович,

*доктор экономических наук, профессор,
ведущий научный сотрудник Центра экономической теории
Института экономики УрО РАН,
Россия, 620014, г. Екатеринбург, ул. Московская, 29
ORCID: 0000-0002-4383-8060
dyatel1942@mail.ru*

Аннотация

В статье рассматривается историческая и логическая взаимосвязь трансформационной и транзакционной функций хозяйственной деятельности. Определяется принадлежность данных понятий категориальному ядру экономической науки; уточняются их характеристики и объем; рассматриваются особенности реализации изучаемых функций в различных исторических условиях. В качестве основного метода используется структурно-логический анализ материалов эмпирических и теоретических исследований по затрагиваемой тематике. Трансформационная деятельность, по мнению автора, выражает диалектическое единство производства и потребления. Транзакция анализируется как технологическое (О. Уильямсон) и/или правовое (Дж. Коммонс) связующее звено между этими процессами. Происхождение транзакций связано с возникновением трансформационного излишка, предназначенного для удовлетворения возвышающихся потребностей. Имеющиеся исторические и этнографические данные позволяют ретроспективно проследить этот феномен вплоть до момента становления общественного производства. Экономическое содержание транзакций выводится из двойственного характера трансформационной деятельности, направленной, во-первых, на создание материальных продуктов и, во-вторых, на опредмечивание в них технологической информации, определяющей распределительные (транспортные, торговые, жилищно-коммунальные и т. п.) услуги. Их реализацию обеспечивают административные и правовые услуги, выражающие отношения собственности на обмениваемые блага. Эффективность транзакционного обеспечения человеческой жизнедеятельности повышается с использованием денег как вир-

¹ Статья подготовлена в соответствии с планом НИР Института экономики УрО РАН на 2021 год.

туального носителя экономической информации и универсального средства стоимостного измерения товарного богатства. В заключение ставится вопрос о природе технологических и экономических сдвигов в современной рыночной экономике, совпадающих с опережающим ростом трансакционных издержек. Использование мир-системного подхода Ф. Броделя позволяет выдвинуть гипотезу о трансакционной революции, предшествующей промышленному перевороту и находящей свое проявление в стремительном увеличении финансовых активов.

Ключевые слова: трансформационная деятельность, структурно-логический анализ, трансформационный излишек, информационная основа трансакций, экономическая информация, деньги, трансакционная революция.

Библиографическое описание для цитирования:

Дятел Е.П. Трансформационная и трансакционная функции хозяйственной деятельности (историко-экономический очерк) // Идеи и идеалы. – 2022. – Т. 14, № 2, ч. 2. – С. 215–238. – DOI: 10.17212/2075-0862-2022-14.2.2-215-238.

Введение

Постановка проблемы

Экономическая наука характеризуется значительным разнообразием теорий, объединенных вокруг категориального ядра (теоретической экономики) [6]. В нем присутствуют базовые понятия, без которых трудно представить современное экономическое мышление. К их числу относятся трансформационная и трансакционная хозяйственная деятельность, которая нуждается в дополнительном рассмотрении.

Методология исследования

Базовые понятия не могут быть получены априори или сугубо логическим путем. За каждым из них стоит восхождение от конкретного к абстрактному, отражающее опыт материально-практической деятельности человечества путем выделения ее специфицирующих, родовых и видовых признаков. Экономические категории выражают многообразное содержание хозяйственных явлений, которое может быть охарактеризовано в следующем порядке: родовой признак, «материя» и ее специфическая форма движения, диалектическое единство формы и (материального) содержания. Эта аристотелевская схема логического обоснования структуры исследуемых явлений будет использована нами в качестве отправного пункта восхождения от абстрактного (родового понятия) к конкретному (системе экономических категорий). Свое развитие она получила в трудах Г.В.Ф. Гегеля и К. Маркса, а также других авторов, к которым мы будем обращаться по мере наполнения используемых понятий конкретным историческим и экономическим содержанием.

1. Трансформационная деятельность

1.1. Общественное производство

Отправной пункт экономики – трансформационная деятельность, которая представляет собой преобразование компонентов окружающей среды (природы) в целях их присвоения и последующего использования (рис. 1).

Присвоение (родовое определение предмета)	Компоненты природы (материальный объект)	Отношения собственности (специфический предмет)	Собственность (специфический объект)
--	---	--	--

Рис. 1. Диалектика предмета и объекта научного исследования в построении системы экономических понятий, характеризующих бытие хозяйственной деятельности человека

В приведенную выше структурно-логическую схему не включен *труд* – особый вид трансформационной деятельности и генетически исходный пункт экономики. Его отсутствие объясняется тем, что мы имеем дело с родовым понятием, объем которого совпадает со всей совокупностью эмпирически наблюдаемых фактов². Следовательно, говоря о собственности, нельзя игнорировать «право первого захвата» (*jus primae occupatiōnis*) земельного участка, дикорастущих фруктов и др. В качестве отправного пункта, выражающего единство исторического и логического в становлении и развитии экономики, мы видим «овеществленный труд» (термин Маркса), генерирующий «трудовую собственность» Дж. Локка (рис. 2).

Присвоение	Компоненты природы	Отношения собственности	Собственность
			Овеществленный труд
Продукт производства	Производственная деятельность	Производствен- ные отношения	Трудовая собственность

Рис. 2. Субординация и координация экономических понятий, определяющих формы бытия (верхняя строка) и сущности (нижняя строка) хозяйственной деятельности человека

² В современной экономической теории совокупность компонентов окружающей человека среды определяется как состояния природы (*states of nature*) или состояния мира (*states of world*) [32, p. 168, 199–200, 688]. «Особенности товаров» (у нас – объектов собственности) «теперь понимаются как зависящие от случайного стечения определенных обстоятельств...» [31, p. 128].

Принимая положение о труде как исключительном достоянии человека, необходимо ответить на вопросы: 1) Как оценивать орудийную деятельность животных? 2) Включать ли в общественный процесс присвоения личное потребление, формирующее трудовой потенциал индивида? 3) Каков экономический смысл промежуточных стадий между производством и потреблением?

1.2. Окольный характер производства и потребления

В классической политэкономии потребление рассматривается как конечная цель производства. Продукты не сразу поступают в распоряжение индивида. Их присвоению предшествуют распределение и обмен, определяющие его окольный характер. Термин «потребление» предложен представителями неоклассической австрийской школы, но саму идею мы находим уже в «Немецкой идеологии»: «Производя необходимые им средства к жизни, люди косвенным образом производят и самоё свою материальную жизнь» [12, с. 19].

1.3. Технологическое распределение продуктов, их трансформация в предметы и орудия труда

С технологической точки зрения всё достаточно очевидно. Вместо потребления готовых продуктов природы необходимо превратить их в предметы и орудия труда, например, использовать зерно для посева. При достаточном урожае появится излишек (прибавочный продукт), который может быть использован для роста населения или повышения его благосостояния. Если рост населения можно рассматривать как биологический процесс, то уровень благосостояния не зависит напрямую от объемов прибавочного продукта, потребление которого ограничено естественными нуждами индивида. Необходимо предположить окольный характер не только производства, но и потребления. Это означает, что продукт создается также для другого индивида, положение которого определяется общественным разделением труда, способностью создавать эквивалент прибавочного продукта и склонностью к обмену.

2. Трансакционная деятельность

2.1. Трансакция: технолого-экономическая и экономико-правовая интерпретации

«Трансакция» переводится как «соглашение, сделка», за которой следует изменение физического состояния объекта. Уильямсон пишет: «Трансакция имеет место тогда, когда товар или услуга переходит от заключительной точки одного технологического процесса к исходной точке другого, смеж-

ного с первым. Заканчивается одна стадия деятельности и начинается другая». [25, с. 27]. Но если продукты меняют свое положение в пространстве и времени, то понятия трансформационной и трансакционной деятельности в немалой степени совпадают. Иная точка зрения представлена сторонниками юридической трактовки. В Гражданском кодексе Наполеона (1804 г.) указано: «Трансакция является договором, с помощью которого стороны прекращают уже имевший место спор или предотвращают спор, который может возникнуть» (ст. 2044). У Дж. Р. Коммонса [28, р. 251] «*трансакция*» (междействие. – Е. Д.) как базовое понятие институциональной экономической теории имеет самостоятельное значение и предваряет трансформационные действия, регулирующие обмен между человеком и природой. «Трансакции встают между трудом у экономистов-классиков и удовольствием экономистов-гедонистов просто потому, что именно общество контролирует доступ к силам природы, и трансакции являются не “обменом товарами”, а отчуждением и присвоением между индивидами *прав* собственности и свобод, создаваемых обществом, которые должны, следовательно, быть предметом переговоров между вовлеченными сторонами до того, как труд сможет что-то создать, потребители – потребить, а товары – быть обменены физически» [10, с. 72]. Аргументацию Коммонса можно признать убедительной, за исключением того, что в ней отсутствует материальный объект, по поводу которого складываются правовые отношения. Согласимся, что это не товар и не торгуемая услуга. Выдвинем предположение, что им является *информация* о правах собственности на обмениваемое благо.

2.2. Информационная основа трансакционной деятельности

Наша гипотеза может вызывать возражения двоякого рода. Во-первых, далеко не все экономисты готовы признать материальную природу информации, хотя Р. Хартли обосновал возможность ее измерения как физического феномена³. Во-вторых, если мы признаём физическое существование информации (иначе она просто не будет восприниматься органами чувств), возникает проблема перехода к экономическим единицам измерения. К примеру, денежная цена товара будет отличаться от измерения его в метрах, штуках и т. д. Альтернативой может стать определение социальной информации как овеществления «объективных мыслительных форм»⁴. И, продолжая логику рассуждений Маркса, если «объективные мыслительные формы» воплощены в сюртуках, сапогах и других предметах человеческого обихода, мы имеем дело с опредмечиванием техноло-

³ «Разработана количественная мера “информации”, которая основана на физических, а не на психологических соображениях» [29, р. 535].

⁴ «Это – общественно значимые, следовательно, объективные мыслительные формы для производственных отношений данного исторически определенного общественного способа производства...» [14, с. 86].

гической информации. Когда же речь пойдет о соизмерении указанных предметов, они проходят стадию натурального обмена. Затем каждый из предметов приравнивается к всеобщему эквиваленту, выражающему стоимость вещи. В условиях простого товарного производства функцию денег как универсального носителя экономической информации выполняет золото. В своем дальнейшем развитии деньги – «всеобщая частная собственность» (Маркс) – получают различные формы овеществления, в том числе на бумажных и электронных носителях: в виде расписок, акций, иных свидетельств о праве собственности. Зафиксированная таким образом экономическая информация становится объектом деятельности по ее переработке и хранению и предметом договорных отношений, или трансакций в собственном смысле слова.

3. Взаимодействие трансформационной и трансакционной функций хозяйственной деятельности (логический аспект)

3.1. Информация как предмет человеческой деятельности

Мы рассматриваем информацию как неотъемлемое свойство материального мира. Это означает, что информация существует вне (и до) человеческого сознания, поскольку ее субъективное восприятие предполагает наличие материального носителя. Данное определение подвергалось критике в публикациях различного ранга и статуса на том основании, что «информация в тех формах, в которых она существует сегодня, есть продукт человеческого сознания»⁵. По нашему мнению, понятие информации шире и включает средства общения не только человека, но и других живых существ. Существуют инвариантные структуры (формы) окружающей действительности, которые составляют предмет человеческого познания. Способы и уровни такового (восприятие различного рода сигналов, возникновение образов, передача сведений, их переработка в систему научных знаний) составляют особую проблему, которая будет затрагиваться нами по мере необходимости. Отметим, что ко всем субъективным и объективным «мыслительным формам» мы считаем возможным применять родовое понятие информации с последующим уточнением ее характеристик (технологическая, экономическая, правовая и др.) и видов (передаваемые сведения, личностное или объективное знание). Отсюда логично считать, что объектом человеческой деятельности являются любые компоненты

⁵ «Но если, например, провести даже неглубокий анализ содержания наиболее распространенных сегодня атрибутивной и функциональной концепций в отношении информации, то станет ясным, что обе эти концепции, в конечном счете, опираются на объективное свойство материи, установленное еще в XIX веке и обозначаемое философской категорией “отражение”. Однако в обеих концепциях не уделяется достаточного внимания изучению очевидной реальности, проявляющейся в том, что информация в тех формах, в которых она существует сегодня, есть продукт человеческого сознания...» [8].

окружающего мира, формы которых изменяются в соответствии с выработанными представлениями, знаниями, умениями и навыками людей. Способы преобразования вещей, включая придание им социальных свойств, например стоимости, находят выражение в технологиях и социально-экономических отношениях.

3.2. Логика взаимосвязи и преемственности трансформационной и транзакционной деятельности

Одним из результатов технологического разделения труда является создание прибавочного продукта, на который в процессе распределения и обмена устанавливаются права собственности. Это означает, что в производственной деятельности неизбежно содержатся зачатки транзакций. Зададимся вопросом, насколько транзакционная составляющая может быть отделена от трансформационных процессов?

Трансформация предполагает придание новой физической формы материальным компонентам используемого объекта: веществу, энергии, информации. Сюда можно добавить перемещение в пространстве и времени, сопровождающееся издержками транспортировки и хранения. Как считают Фуруботи и Рихтер, «...на практике нелегко провести различие между транзакционными издержками и производственными, транспортными и фактически любыми другими видами издержек» [26, с. 55]. Далее они приводят мнение специалистов: «Поставка понимается как обмен данными и/или информацией, который способствует осуществлению процесса производства, но не дает материальной продукции» [26, с. 57]. Из контекста не вполне ясно, идет ли речь о юридическом акте, сопровождающем передачу прав собственности, или также о физическом перемещении ресурсов, превращающем их в средства производства (например, лизинг) или предметы потребления (розничная торговля). Рассмотрим этот вопрос подробнее.

Результатом хозяйственной деятельности могут быть не одни лишь материальные продукты, но и услуги. Поставки обеспечиваются услугами инфраструктуры (водопровода, железнодорожного транспорта, складских помещений и т. д.). Например, вода перемещается по каналу или акведуку под действием силы земного притяжения. И хотя в ее доставке учитываются отчисления на ремонт акведука, его амортизацию и другие накладные расходы, последние устраняют экстерналии, не изменяя потребительских свойств конечного продукта. Акведук, выступая аналогом сил и материалов природы, становится искусственно созданным информационным устройством, определяющим направление и скорость водного потока. Технологическая информация получает стоимостное выражение при передаче прав собственности на использование объектов инфраструктуры. В этой

связи мы считаем возможным ввести понятие технологических, или инфраструктурных, трансакций (рис. 3).

Присвоение	Компоненты природы	Отношения собственности	Собственность
			Овеществленный труд
Продукт производства	Производственная деятельность	Производственные отношения	Трудовая собственность
Технологическое разделение труда			
Технологическая (инфраструктурная) трансакция	Пересечение границ технологических процессов	Внутренняя аллокация продуктов и услуг	Прибавочный продукт
			Общественное разделение труда
Трансакция как базовая экономическая единица	Экономическая информация	Обмен правами собственности	Товарная форма продуктов (редких благ)

Рис. 3. Взаимосвязь и преемственность трансформационной и трансакционной хозяйственной деятельности

В представленной на рис. 3 схеме есть понятия, которые требуют дополнительных пояснений (например, *внутренняя аллокация* продуктов и услуг). В неоклассике процессы распределения и обмена характеризуются единым термином – *resource allocation*, подразумевающим оптимальное размещение ограниченных ресурсов на основе ценовых сигналов. В случае технологического разделения труда принятие решений осуществляется на основе представлений его агентов о ценности ресурсов. В литературе соответствующие процессы характеризуются как внутрифирменные трансакции, или трансакции управления. Существует большой перечень источников, в которых они рассматриваются применительно к предприятиям. Здесь на первый план выходит проблема взаимодействия внешних (рыночных) и внутренних (управленческих) трансакций. Не преуменьшая теоретического и практического значения соответствующих исследований, согласимся, что трансакции, «связанные с управлением трудовыми ресурсами фирмы, являются лишь частью родового понятия» [5, с. 28], охватывающего процессы, происходящие в масштабах общества.

3.3. Дискуссия об азиатском способе производства как альтернативе рыночной экономике

Мы исходим из единства трансформационной и трансакционной хозяйственной деятельности. И хотя эта точка зрения присутствует в экономической науке со времен А. Смита, мнение о существовании у производящего индивида склонности к обмену [21, с. 27] подвергается критике. К примеру, К. Поланьи пишет: «Разделение труда, феномен столь же древний, как и само общество, обусловлен различиями, заданными полом, географией и индивидуальными способностями, а пресловутая “склонность человека к торгу и обмену” почти на сто процентов апокрифична. Истории и этнографии известны разные типы экономик, большинство из которых включает в себя институт рынка, но им неведома какая-либо экономика, предшествующая нашей, которая бы, пусть даже в минимальной степени, регулировалась и управлялась рынком» [19, с. 56]. В этом высказывании есть рациональное зерно, но, вопреки мнению автора предисловия П.М. Макайвера: «Мысль г-на Поланьи оставляет далеко позади догматику Карла Маркса» [19, с. 7], мы склонны отдать предпочтение в качестве первоисточника работам Маркса. Поланьи, по-видимому, не смог ознакомиться с опубликованными незадолго до выхода в свет его «Великой трансформации» [35] «формами, предшествующими капиталистическому производству»⁶, в которых анализируются «природное единство труда с его вещными предпосылками» [15, с. 461].

Маркс разделил человеческую историю на эпоху, в которой господствовали естественно выросшие формы общественной собственности, и экономическую общественную формацию, вершиной которой стал капиталистический способ производства [14, с. 10]. Отправным пунктом его исследований была ситуация, когда целью индивидов является «не *созидание стоимости*, – хотя они и могут выполнять прибавочный труд, чтобы выменивать для себя *чужие* продукты, т. е. прибавочные продукты [других индивидов], – но целью всего их труда является обеспечение существования отдельного собственника и его семьи, а также и всей общины» [15, с. 462]. Задача такого способа производства – обеспечить условия существования членов общины путем удовлетворения первичных потребностей в пище, одежде, жилище. Инфраструктурные элементы человеческого бытия (например, ирригационные сооружения) находят свой прообраз в компонентах природной среды, что оправдывает их характеристику как естественно выросших или даже «натуральных». В соответствии с принятым делением инфраструктуры на жесткую (дороги, мосты и т. д.) и мягкую, обеспечивающую поддержание со-

⁶ «Он был очень увлечен этими работами (“Немецкая идеология” и “Парижские рукописи”) (Экономическо-философские рукописи 1844 года). – Е. Д.). Как я помню, он соглашался с идеями, которые там были выдвинуты. Я называю ранние работы Маркса общей отправной точкой для Маркса и Поланьи» [4, с. 9].

циальных стандартов жизни, мы считаем возможным причислить к инфраструктурным административные и распределительные трансакции.

4. Генезис прибавочного продукта и естественно выросшие формы его распределения

4.1. Технологические революции как материальная основа периодизации социально-экономического развития человека и общества

Под технологией понимаются «средства или деятельность, с помощью которых человек изменяет свою среду обитания и манипулирует ею» [27]. В нашем случае объектом целесообразной трансформации выступают процессы обмена между *обществом и природой* (веществом, энергией и информацией). Проследивая его закономерности, переформулируем выдвинутую Э. Тоффлером [24] и другими авторами идею о трех стадиях в развитии общества: 1) первая стала результатом «неолитической» революции, основанной на кардинальном изменении процессов обмена веществ между обществом и природой. Она сформировала производящее хозяйство в форме аграрной экономики и способствовала возникновению прибавочного продукта и развитию товарообмена внутри общины и на ее границах; 2) движущей силой второй (индустриальной) революции были кардинальные сдвиги в обмене энергией между обществом и природой (революции пара, электричества, двигателей внутреннего сгорания и др.). Она породила крупное машинное производство: «В качестве машины средство труда приобретает такую материальную форму существования, которая обуславливает замену человеческой силы силами природы и эмпирических рутинных приемов – сознательным применением естествознания» [14, с. 397]; 3) информационная революция делает доступным для любого члена общества знаниевый ресурс. Предпосылкой этого процесса стало применение естествознания для целей промышленного производства⁷, но всеобщий характер он приобрел с появлением персональных компьютеров, подключенных к глобальной информационной сети, и IT-технологий.

Изложенная периодизация в том или ином виде вошла в учебники обществоведения и экономической теории [17]. Мы приводим ее, чтобы объяснить допущенный ранее «анахронизм». Ведь если прибавочный продукт и устойчивый рост населения специфичны для *производящего (земледельческого) хозяйства*, то нужно ответить на вопросы: 1) Существовала ли производящая деятельность до неолитической революции? 2) Могла ли она стать основой материальной жизни людей? 3) Возможны ли иные формы хозяйства, не подпадающие под определение общественного производства?

⁷ По мнению Д. Белла, «...первой современной отраслью экономики стала химия, поскольку здесь необходимы априорные теоретические знания о свойствах молекул, манипулирование с которыми должно привести к созданию новых продуктов» [1, с. 157].

4.2. Антропосоциогенез: причины и закономерности возникновения хозяйственной деятельности человека

В основе любой экономики лежит определенная материально-техническая база. Говоря о ее возникновении, мы не можем пройти мимо трех последовательных революций в обмене между *человеком и природой*:

1. Изготовление орудий значительно повышает возможности присвоения готовых продуктов природы. Происходят анатомические изменения в телесном облике формирующегося человека, связанные с высвобождением руки и переходом к бипедализму. Расширяется материально-вещественная база человеческого существования за счет использования (каменных) орудий труда, которые можно сохранять, переносить с места на место, передавать другим членам сообщества и получать таким образом индивидуальную выгоду от их применения.

2. Недостаточно присвоить увеличивающиеся объемы растительных продуктов, выловленной рыбы или пойманных животных. Энгельс, опиравшийся на исследования Льюиса Моргана, придавал большое значение введению рыбной пищи, которая «делается вполне пригодной к употреблению лишь благодаря огню». Применение огня доставило «новые средства питания: содержащие крахмал корни и клубни, испеченные в горячей золе» и др. [13, с. 29]. Новые средства питания, повышая эффективность энергетического обмена человеческого организма, решающим образом влияли на прогресс в телесном устройстве человека. Произошла редукция более ненужных органов: массивной челюсти, избыточных размеров желудочно-кишечного тракта и проч. Развилось подлинное прямохождение, совпавшее с формированием лобных долей человеческого мозга.

3. Революцией в обмене информацией стало возникновение членораздельной речи. Звуковое кодирование наряду с изобразительным (рисунки, жесты) предшествует опредмечиванию информации в средствах труда, предметах потребления, утвержденных в социальной памяти нормах и обычаях. Появляется возможность накопления знаний как упорядоченной системы информационных сигналов, их обмена с другими людьми.

4. Совокупность перечисленных технологических революций создает механизм антропосоциогенеза. Во избежание его отождествления с «производящим» хозяйством будем называть получаемый доход трансформационным излишком, в котором реализуется не прибавочный продукт как таковой, а антропогенный эффект и сопровождающее его возвышение человеческих потребностей при использовании орудий, предметов потребления и средств коммуникативного общения.

Приготовление пищи на огне не только обозначило важнейший момент антропогенеза, оно превратило присвоение готовых продуктов природы в экономический процесс производства, востребованного всеми чле-

нами локальной группы. Очаг превращается в центр домохозяйства, а непосредственно общественные отношения по поводу производства, распределения и потребления продуктов формируют экономический базис первобытной общины. Трансформационный излишек предстает условием воспроизводства человеческого организма, ориентированного на социальные коммуникации и поддержание возникающих общественных отношений. Сюда мы можем отнести организацию деятельности по охране территории, поддержанию семейно-родовых и территориальных связей, сохранению навыков охоты и собирательства, приготовлению пищи и ее распределению, созданию орудий, вещественных и духовных ценностей.

4.3. Личностные отношения как форма хозяйственных взаимосвязей

На начальном этапе технология производства и распределения продуктов неотделима от половозрастного разделения деятельности, которое опосредует обмен предметами и услугами в соответствии с потребностями и социальным положением мужчин и женщин, детей и взрослых. Тем самым трансформационная функция производительной деятельности органично перерастает в функцию потребления, служащего воспроизводству членов естественно выросшей общности. В ней поглощается трансформационный излишек, а экономическая составляющая принимает форму личностных, семейных и родоплеменных связей. Это происходит путем использования социальной информации, важнейшая функция которой заключалась в трансакционном обеспечении жизнедеятельности человека и общества (рис. 4)⁸.

Антропосоциогенез	Использование орудий (революция в обмене веществ)	Применение огня (революция в обмене энергией)	Возникновение речи (революция в обмене информацией)
			Трансформационный излишек
Трансакционное обеспечение жизнедеятельности общины	Социальная информация (обычай, нормы, предания)	Естественно выросшие формы общественных отношений	Половозрастное разделение труда

Рис. 4. Структура и основные этапы развития преимущественно присваивающего хозяйства

⁸ Нам представляется дискуссионным общепринятое определение начальной стадии развития человеческого общества как присваивающего хозяйства. Чтобы избежать путаницы, будем пользоваться термином «преимущественно присваивающее хозяйство», хотя он содержит скорее количественные критерии различения экономической (хозяйственной) и животноводческой (присваивающей) деятельности: «Период преимущественно присвоения готовых продуктов природы; искусственно созданные человеком продукты служат главным образом вспомогательными орудиями такого присвоения» [13, с. 33].

Если эскизно обозначить дальнейший ход событий, то результатом стал рост населения и освоение новых мест обитания. Дефицит пищевых ресурсов, проявившийся по мере увеличения плотности населения, оказался вызовом, требовавшим новых технологических решений. Возникло производящее хозяйство, в котором на стадии земледелия и скотоводства использовалось не только плодородие возделываемой земли, но сила животных, воды и ветра. Создание значительных объемов прибавочного продукта стимулировало его учет в натуральном и ценностном выражении, что стало одной из предпосылок возникновения письменности⁹. Крупнейший технологический сдвиг в обмене веществ сопровождался революциями в обмене энергией и информацией. Всё это послужило предпосылкой к расширению территориального обмена как условия технологического и экономического прогресса.

4.4. Правовое и политическое регулирование трансакций

Истоки территориального обмена восходят к верхнему палеолиту, каменные орудия которого обнаруживаются за тысячи километров от мест добычи и обработки минерального сырья. Во времена «Великой неолитической цивилизации» формы территориального обмена находили свое экономическое и правовое выражение. Основанием таких выводов Марселя Мосса послужили «феномены обмена и договора в тех обществах, которые вовсе не лишены, как утверждалось, экономических рынков (так как рынок – человеческий феномен, не чуждый, с нашей точки зрения, ни одному из известных обществ), но где порядок обмена отличен от нашего» [16, с. 138]. «Все эти явления суть одновременно явления юридические, экономические, религиозные и даже эстетические» [16, с. 279]. Наш предмет исследования состоит не в строгом определении юридических и политических норм в архаическом обществе¹⁰, а в наличии или отсутствии в нем институциональных, правовых и политических трансакций, регулирующих экономические отношения.

⁹ Глиняные таблички шумеров как одни из первых сохранившихся образцов письменности фиксировали учет имущества, долговые расписки и другие письменные свидетельства хозяйственной деятельности.

¹⁰ Они не раз становились предметом дискуссий между государственниками – представителями «юридического позитивизма» – и социальными антропологами, распространявшими термин «право» на нормы первобытных и архаических обществ [20, с. 24]. Приведем еще одно мнение: «В становлении права как составляющей цивилизации следует выделить три этапа. Первый этап соответствует догосударственному, так называемому архаическому обществу. На этой стадии право демонстрирует интегрирующую, примирительную функцию. Именно правовые нормы, существующие в рамках мононорм, становятся действенными механизмами разрешения социальных конфликтов как на уровне отдельных индивидов, так и на уровне родовых общин» [7, с. 68].

Договорные трансакции по поводу движимого и недвижимого имущества фиксируются практически во всех этнографических наблюдениях. Что же касается политических трансакций, они зависят от наличия соответствующих институтов управления территориальными образованиями и проживающим на них населением. Вслед за Нортгом [33] анализ политических трансакций был продолжен Фуруботном и Рихтером. У них «государство понимается как сеть отношенческих контрактов типа принципал – агент между избирателями (принципалами) и их представителями (агентами) с целью оптимизации общественного богатства посредством соответствующей организации применения силы (принуждения), т. е. через надлежащее распределение, администрирование и трансакцию политических прав собственности» [26, с. 359]. В архаическом обществе этому определению соответствует «военная демократия», которая, судя по дошедшим до нас источникам (включая «Илиаду» Гомера), имела широкое распространение. Однако ни «труд войны» в качестве суррогата трансформационной деятельности, ни трансакционное распределение военной добычи не могли составить устойчивый экономический базис архаического общества. Напротив, управленческие трансакции были привязаны к территориям с однородным, в основе крестьянским, населением и со сходными природными условиями производства жизненно важных продуктов. На этой почве получили распространение «азиатские» формы общественного устройства и отношения личной зависимости. Трудно сказать, являются ли такие формы обязательной ступенью общественного развития. Но ясно, что «склонность к обмену» одерживала верх над традициями взаимопомощи и равнообеспечивающего распределения лишь в особых исторических условиях. Триггером могла быть как военная демократия, так и иные формы мобилизации трансформационного излишка в руках частных собственников, властные полномочия которых распространялись на прибавочный продукт и принимающие участие в его создании факторы производства и обращения.

4.5. Трансакционное обеспечение жизнедеятельности

Генезис общественного производства показывает значение трансакций, обеспечивающих эффективное функционирование труда. Его продукты распределяются в интересах всех членов семьи, общины и иных территориальных образований. Зарождающееся ремесло (кузнечное, гончарное и др.) способствует возникновению, накоплению и распространению технологий, включая земледелие и скотоводство, примитивное искусство, военное дело, письменность. Для того чтобы каждое из этих достижений могло возникнуть, поддерживаться и развиваться на регулярной основе, требовалось общественное разделение труда, опосредованное внутрен-

ними и внешними (торговыми) трансакциями. Выполняя функцию обеспечения человеческой жизнедеятельности путем распределения и обмена произведенных или иным способом приобретенных продуктов, эти виды трансакций качественно отличались друг от друга.

В естественно выросших общественных формах отсутствует однородный субстрат, позволяющий соизмерять затраты и результаты деятельности экономических агентов. Равнообеспечивающее распределение учитывает минимальные потребности всех членов общества, что необходимо для их выживания в неблагоприятной внешней среде. Наиболее ценные индивиды, которые принимают необходимые управленческие решения или гарантируют существование общины путем затрат своих сил и умений, присваивают большую часть трансформационного излишка. Такова «материальная жизнь» архаической формации, или, уточняет Фернан Бродель, «не-экономика, живущая под знаком неотвязно ее преследующей самодостаточности. Экономика начинается с порогового уровня *меновый стоимости*» [2, с. 5].

4.6. Деньги – носитель экономической информации

Универсальным воплощением меновой стоимости становятся продукты, удовлетворяющие потребности на вершине пирамиды Маслоу (в украшениях, знаках отличия и др.). Золото, в котором овещаются предельные, задающие стоимостной масштаб затраты труда, превращается во всеобщий эквивалент и удобное средство обращения, используемое для обмена продукта на любое благо¹¹. Но золото доступно не каждому участнику рынка. Право на его первоочередное использование – в качестве предмета потребления – предъявляли лица, высоко оценивающие свои настоящие или будущие потребности в символах роскоши. Ф. Бродель, обобщивший огромный эмпирический материал и выводы исторических исследований по становлению и развитию экономических трансакций, пишет: «Хорошо известно, что не бывает сколько-нибудь оживленной рыночной экономики без денег. ... Умножая число обменов, деньги всегда бывают в недостаточном количестве: рудники не дают достаточно ценных металлов, плохая монета многие годы вытесняет хорошую, и всегда открыты бездны тезаврации. Решение проблемы – создать нечто лучшее, нежели монета-товар, зеркало, в котором отражаются и измеряются прочие товары; создать деньги-символ» [2, с. 100]. Первоначально они появляются в форме векселей или гособлигаций (аннуитетов), а затем и в виде бумажных

¹¹ По этнографическим и историческим данным, первыми «деньгами» был живой скот, шкуры, соль и другие предметы первой необходимости. Потребление каждого из этих предметов могло быть *отложено*, а следовательно, в отсутствие металлических денег они могли выполнять функцию средства обращения.

денег – виртуального носителя экономической информации о наличии и объемах располагаемого богатства. Тем самым устраняются формальные ограничения для осуществления экономических трансакций в пространстве и времени, торговля приобретает спекулятивный характер и перемещается на товарные и фондовые биржи.

Заключение: к вопросу о трансакционной революции

Расширение предмета и метода исследования

Радикальные изменения в экономических условиях и уровне жизни населения современного общества ставят вопрос о причинах небывалого технологического и экономического прогресса. Существующий по этому поводу спектр мнений в значительной степени может быть сведен к двум подходам: формационному и цивилизационному. Комплекс разнородных фактов, эмпирических умозаключений и теоретических выводов делает неизбежным расширение рамок объяснения технологического и социально-экономического развития общества. Так, анализируя многовариантность понятийного содержания элементов постиндустриальной экономики, М.А. Сухарева предлагает понятие «технологической составляющей производственных отношений, которая приводит к глубинным сдвигам в общественных системах» [23, с. 2]. Если эта формулировка апеллирует к формационному подходу, то в нем техника или технология не могут быть элементом системы производственных отношений. Положение меняется при использовании мир-системного анализа [3] и метода альтернатив [18]. Необходимо определить статистически значимые тренды развития технологий и экономики и выделить их источники, не пренебрегая ни одной из возможных теоретических и методологических возможностей.

Динамика трансакционного сектора

Измерению трансакционного сектора посвящен ряд работ, среди которых наибольшую известность получили исследования Уоллиса и Норта. По их расчетам величина трансакционных издержек в американской экономике с 1870 по 1970 год более чем удвоилась и возросла с 26,09 до 54,71 % ВВП [36, р. 122]. Для ФРГ оценка доли трансакционных издержек проведена Фуруботном и Рихтером, она составила 60–70 % ВВП на 1990 год [26, с. 69, примечание]. Для РФ, согласно известным нам расчетам, доля трансакционного сектора составляла от 65,3 % (2003 год) до 59,8 % (2014 год) [11, с. 42]. Исходя из приведенных цифр, можно констатировать радикальное увеличение доли трансакционного сектора за последние 100–150 лет. Оценивая сложившуюся ситуацию, Уоллис и Норт ставят ряд

вопросов: как взаимодействуют трансакционные и трансформационные издержки в процессе преобразования экономики? каково воздействие растущего трансакционного сектора на различные социальные и институциональные изменения? и др. [36, р. 125]. Не менее актуально, на наш взгляд, понять то, где и когда впервые обнаружили исследуемые тенденции, с чем это было связано, какие имело экономические последствия и, главное, насколько оправдан *затратный подход* (по издержкам) к исчислению трансакционного сектора как составной части ВВП?

Альтернативные измерения и гипотезы

Содержательный обзор методик измерения трансакционного сектора представлен в статье А.А. Комковой и А.Е. Шаститко [9]. Авторы отмечают: «Обобщение полученных результатов исследований ... показало также, что не существует единого стандарта количественной оценки трансакционных издержек на уровне экономики в целом как с точки зрения выбора временного интервала, так и с точки зрения способа классификации видов деятельности и вычленения трансакционной компоненты» [9, с. 44]. В качестве условных альтернатив могут быть рассмотрены следующие подходы: О. Уильямсон квалифицирует издержки как затраты на управление экономической системой; Дж. Стиглер ставит знак равенства между трансакционными и информационными издержками; по А.Е. Шаститко, трансакционные издержки могут быть представлены как ценность ресурсов, используемых для координации действий и разрешения распределительных конфликтов между экономическими агентами [9, с. 28].

Все перечисленные подходы остаются в рамках парадигмы *вторичности трансакционного сектора*, рост которого увязывается «с фундаментальными технологическими изменениями, которые привели к возможностям повышения даже средних трансакционных издержек в частном секторе экономики при резком снижении трансформационных издержек в результате экономии на масштабе» [36, р. 121]; см. также [34]. При этом, на наш взгляд, игнорируется важная роль трансакционного сектора в возникновении крупного машинного производства и сопутствующего эффекта масштаба. Еще одну альтернативу могла бы составить идея новозеландского экономиста Т. Хэзлдайна [30], который отмечает, что если трансакционная деятельность является актом передачи денег, то такие сделки отражаются в системах национальных счетов и могут быть измерены и как расходы, и как доходы. В порядке ее обсуждения выдвинем гипотезу об измерении трансакционного сектора по величине финансовых активов¹². В этом случае на-

¹² «Анализ издержек трансакций является важной научной задачей, но это не означает необходимости жестко связывать понятие трансакционного сектора с функцией их измерения» [22].

чало «транзакционной революции» может быть отодвинуто на столетия, а сама она станет из одной из предпосылок индустриализации и современной рыночной экономики¹³.

Литература

1. Белл Д. Грядущее постиндустриальное общество: опыт социального прогнозирования / пер. с англ. – М.: Academia, 2004.
2. Бродель Ф. Материальная цивилизация, экономика и капитализм, XV–XVIII вв. Т. 2. Игры обмена. – М.: Прогресс, 1988. – 632 с.
3. Бродель Ф. Материальная цивилизация, экономика и капитализм, XV–XVIII вв. Т. 3. Время мира. – М.: Прогресс, 1992. – 548 с.
4. Буравой М. Создание «Великой трансформации»: беседа с Кари Поланьи Левитт // Глобальный диалог. – 2017. – Т. 7, вып. 4. – С. 5–10.
5. Вольчик В.В., Нечаев А.Д. Теоретические подходы к идентификации транзакционных издержек // Journal of economic regulation. – 2014. – Т. 5, № 1. – С. 36–38.
6. Дятел Е.П. Статус экономической теории как научной и учебной дисциплины // Журнал экономической теории. – 2021. – Т. 18, № 3. – С. 374–388.
7. Зазаева Н.Б. Право как составляющая цивилизации // Философия и общество. – 2007. – № 2 (46). – С. 67–75.
8. Информация // Википедия. – URL: <https://ru.wikipedia.org/wiki/Информация> (дата обращения: 19.05.2022).
9. Колмова А.А., Шаститко А.Е. Количественная оценка транзакционного сектора: возможности, ограничения, результаты // Научные исследования экономического факультета. Электронный журнал. – 2014. – Т. 6, вып. 3 (13). – С. 25–48.
10. Коммонс Дж.Р. Институциональная экономика // Terra Economicus. – 2012. – Т. 10, № 3. – С. 69–76.
11. Литвинцева Г.П., Гахова Н.А. Динамика транзакционного сектора экономики России: как учил Д. Норт // Журнал институциональных исследований. – 2016. – Т. 8, № 2. – С. 38–50.
12. Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. Т. 3. – 2-е изд. – М.: Госполитиздат, 1955. – 629 с.
13. Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. Т. 21. – 2-е изд. – М.: Политиздат, 1961. – 745 с.
14. Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. Т. 23. – 2-е изд. – М.: Политиздат, 1960. – 907 с.
15. Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. Т. 46, ч. 1. – 2-е изд. – М.: Политиздат, 1968. – 559 с.

¹³ «Если бы я обладал ... пристрастием к систематическим и раз и навсегда данным объяснениям, я охотно выдвинул бы в качестве главного элемента капиталистического развития игру, спекуляцию» [2, с. 587]. Похожие мысли высказывались К. Поланьи [19, с. 43–91].

16. *Мосс М.* Опыт о даре. Форма и основание обмена в архаических обществах // Мосс М. Общества. Обмен. Личность: труды по социальной антропологии. – М.: КДУ, 2011. – С. 134–285.
17. *Нуреев Р.М.* Курс микроэкономики: учебник. – 3-е изд., испр. и доп. – М.: Норма : Инфра-М, 2021. – 624 с.
18. *Пивоваров А.В.* Метод альтернатив // Национальная философская энциклопедия. – URL: <https://terme.ru/termin/metod-alternativ.html> (дата обращения: 19.05.2022).
19. *Поланьи К.* Великая трансформация: политические и экономические истоки нашего времени: пер. с англ. – СПб.: Алетейя, 2002. – 320 с.
20. *Попов С.Н.* Право в догосударственных обществах // Вестник Челябинского государственного университета. – 2008. – № 11. – С. 23–32.
21. *Смит А.* Исследование о природе и причинах богатства народов / вступ. ст. и коммент. В.С. Афанасьева. – М.: Мысль, 1962. – 684 с.
22. *Стратулат И.В., Фролов Д.П.* Трансакционный сектор экономики: концептуализация и институционализация // Современные проблемы науки и образования. – 2015. – № 1, ч. 1. – С. 467.
23. *Сухарева М.А.* От концепции постиндустриального общества к концепции экономики знаний и цифровой экономики: критический анализ терминологического поля // Государственное управление. Электронный вестник. – 2018. – № 68. – С. 445–464.
24. *Тобффлер Э.* Третья волна // Гуманитарный портал / Центр гуманитарных технологий. – 2011. – 27 января. – URL: <https://gtmarket.ru/library/basis/4821> (дата обращения: 19.05.2022).
25. *Уильямсон О.П.* Экономические институты капитализма: фирмы, рынки, «отношенческая» контрактация: пер. с англ. – СПб.: Лениздат, 1996. – 702 с.
26. *Фуруботи Э.Г., Рихтер Р.* Институты и экономическая теория: достижения новой институциональной экономической теории. – СПб.: С.-Петерб. гос. ун-т, 2005. – 701 с.
27. *Buchanan R.A.* History of technology // Encyclopedia Britannica Online. 2016. – URL: <https://www.britannica.com/technology/history-of-technology> (accessed: 20.05.2022).
28. *Commons J.R.* Institutional Economics // American Economic Review. – 1931. – Vol. 21. – P. 648–657.
29. *Hartley R.V.L.* Transmission of information // Bell System Technical Journal. – 1928. – Vol. 7, iss. 3. – P. 535–563.
30. *Hazledine T.* Measuring the New Zealand transaction sector, 1956–98, with an Australian comparison // New Zealand Economic Papers. – 2001. – Vol. 35 (1). – P. 77–100.
31. *King M.* Public Policy and the Corporation. – London: Chapman and Hall, 1977. – 309 p.
32. *Mas-Colell A., Whinston M.D., Green J.R.* Microeconomic Theory. – New York; Oxford: Oxford University Press, 1995. – 981 p.

33. *North D.C.* Institutions, Institutional Change, and Economic Performance. – Cambridge: Cambridge University Press, 1990. – 160 p.
34. *North D., Wallis J.* Integrating Institutional Change and Technical Change in Economic History: A Transaction Cost Approach // Journal of Institutional and Theoretical Economics. – 1994. – Vol. 150, N 4. – P. 609–624.
35. *Polanyi K.* The Great Transformation: the Political and Economic Origins of Our Time / Foreword by R.M. MacIver. – New York: Farrar and Rinehart, 1944. – 305 p.
36. *Wallis J.J., North D.C.* Measuring the Transaction Sector in the American Economy, 1870–1970 // Long-Term Factors in American Economic Growth / ed. by S.L. Engerman and R.E. Gallman. – Chicago: University of Chicago Press, 1988. – P. 95–161.

Статья поступила в редакцию 12.12.2021.

Статья прошла рецензирование 25.01.2022.

DOI: 10.17212/2075-0862-2022-14.2.2-215-238

TRANSFORMATIONAL AND TRANSACTIONAL FUNCTIONS OF ECONOMIC ACTIVITY (HISTORICAL AND ECONOMIC OUTLINE)¹⁴

Dyatel, Evgeny,

Dr. of Sc. (Economics), Professor,

Leading Researcher at the Center for Economic Theory,

Institute of Economics of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences,

29 Moskovskaya Street, Yekaterinburg, 620014, Russian Federation

ORCID: 0000-0002-4383-8060

dyatel1942@mail.ru

Abstract

The article studies the historical and logical relationship of the transformational and transactional functions of economic activity: it determines the belonging of the abovementioned concepts to the categorical core of economic science; it specifies their characteristics and volume; examines the features of realization of the studied functions in various historical conditions. As the primary method, we used the structural-logical analysis of empirical and theoretical research results on the topics covered. Transformational activity, according to the author, expresses the dialectical unity of production and consumption. The transaction is analyzed as a technological (O. Williamson) and/or legal (J. Commons) link between these processes. The origin of transactions is associated with the emergence of a transformational surplus designed to meet rising needs. The available historical and ethnographic data allows us to trace this phenomenon retrospectively to the moment of the formation of social production. The economic content of transactions is derived from the dual nature of transformational activities aimed at (1) the creation of material products and (2) the objectification of technological information that determines distribution (transport, trade, housing and communal services, etc.). Their implementation is provided by administrative and legal services expressing ownership of the exchanged goods. It increased the efficiency of transactional support of human life with the use of money as a virtual bearer of economic information and a universal measure of the value of a commodity. In conclusion, the author raises a question about the nature of technological and economic shifts in the modern market economy, coinciding with the outstripping growth of transaction costs. Using the world-system approach of F. Braudel makes it possible to put forward a hypothesis about the transactional revolution that preceded the industrial revolution and is manifested in the rapid increase in financial assets.

Keywords: transformational activity, structural-logical analysis, transformational surplus, information basis of transactions, economic information, money, transaction revolution.

¹⁴ The article has been prepared in accordance with the plan of Institute of Economics of the Ural Branch of RAS for 2021.

Bibliographic description for citation:

Dyatel E. Transformational and Transactional Functions of Economic Activity (Historical and Economic Outline). *Idei i idealy = Ideas and Ideals*, 2022, vol. 14, iss. 2, pt. 2, pp. 215–238. DOI: 10.17212/2075-0862-2022-14.2.2-215-238.

References

1. Bell D. *Gryadushchee postindustrial'noe obschestvo: opyt sotsial'nogo prognozirovaniya* [The Coming of Post-Industrial Society: A Venture in Social Forecasting]. Moscow, Academia Publ., 2004. (In Russian).
2. Braudel F. *Civilisation matérielle, économie et capitalisme, XVe – XVIIIe siècle*. T. 2. *Les Jeux de L'Echange*. Paris, Armand Colin, 1979 [In English: Civilization and capitalism. 15th–18th Centuries. Vol. 2. The wheels of commerce] (Russ. ed.: Brodel' F. *Material'naya tsivilizatsiya, ekonomika i kapitalizm, XV–XVIII vv.* T. 2. *Igry obmena*. Moscow, Progress Publ., 1988. 632 p.).
3. Braudel F. *Civilisation matérielle, économie et capitalisme, XVe – XVIIIe siècle*. T. 3. *Le temps du monde*. Paris, Armand Colin, 1979 [In English: Civilization and capitalism. 15th–18th Centuries. Vol. 3: The perspective of the World] (Russ. ed.: Brodel' F. *Material'naya tsivilizatsiya, ekonomika i kapitalizm, XV–XVIII vv.* T. 3. *Vremya mira*. Moscow, Progress Publ., 1992. 548 p.).
4. Burawoy M. . Sozдание «Velikoi transformatsii»: beseda s Kari Polan'i Levitt [Creation of the Great transformation: Conversation with Kari Polanyi Levitt]. *Global'nyi dialog = The Global Dialogue*, 2017, vol. 7, iss. 4, pp. 5–10. (In Russian).
5. Volchik V.V., Nechaev A.D. Teoreticheskie podkhody k identifikatsii transaktsionnykh izderzhok [Theoretical aspects to identification of transactional costs]. *Journal of Economic Regulation*, 2014, vol. 5, no. 1, pp. 36–38. (In Russ.)
6. Dyatel E.P. Status ekonomicheskoi teorii kak nauchnoi i uchebnoi distsipliny [The status of economic theory as a scientific and educational discipline]. *Zhurnal ekonomicheskoi teorii = Russian Journal of Economic Theory*, 2021, vol. 18, no. 3, pp. 374–388.
7. Zazaeva N.B. Pravo kak sostavlyayushchaya tsivilizatsii [The law as a component of a civilization] *Filosofiya i obschestvo = Philosophy and Society*, 2007, no. 2 (46), pp. 67–75.
8. Informatsiya [Information]. *Vikipediya* [Wikipedia]. Available at: <https://ru.wikipedia.org/wiki/Informatsiya> (accessed 19.05.2022).
9. Komkova A.A., Shastitko A.E. Kolichestvennaya otsenka transaktsionnogo sektora: vozmozhnosti, ogranicheniya, rezul'taty [Measuring the transaction sector: opportunities, constrains, results]. *Nauchnye issledovaniya ekonomicheskogo fakul'teta = Scientific Research of Faculty of Economics*, 2021, vol. 6, iss. 3, pp. 25–48.
10. Commons J.R. Institutional economics. *Terra Economicus*, 2012, vol. 10, no. 3, pp. 69–76. (In Russian).
11. Litvintseva G.P., Gakhova N.A. Dinamika transaktsionnogo sektora ekonomiki Rossii: kak uchil D. Nort [Dynamics the transaction sector of the Russian economy: as taught by D. North]. *Zhurnal institucional'nykh issledovaniy = Journal of Institutional Studies*, 2016, vol. 8, no. 2, pp. 38–50. (In Russian).

12. Marx K., Engels F. *Sochineniya*. T. 3 [Works. Vol. 3]. 2nd ed. Moscow, Gospolitizdat Publ., 1955. 629 p. (In Russian).
13. Marx K., Engels F. *Sochineniya*. T. 21 [Works. Vol. 21]. 2nd ed. Moscow, Politizdat Publ., 1961. 745 p. (In Russian).
14. Marx K., Engels F. *Sochineniya*. T. 23 [Works. Vol. 23]. 2nd ed. Moscow, Politizdat Publ., 1960. 907 p. (In Russian).
15. Marx K., Engels F. *Sochineniya*. T. 46, ch. 1 [Works. Vol. 46, pt. 1]. 2nd ed. Moscow, Politizdat Publ., 1968. 559 p. (In Russian).
16. Mauss M. Opyt o dare. Forma i osnovanie obmena v arkhaiskikh obshchestvakh [Experience about the gift. The form and basis of exchange in archaic societies]. Mauss M. *Obshchestva. Obmen. Lichnost': trudy po sotsial'noi antropologii* [Societies. Exchange. Personality. Works on social anthropology]. Moscow, 2011, pp. 134–285. (In Russian).
17. Nureev R.M. *Kurs mikroekonomiki* [Microeconomics course]. 3rd. ed. Moscow, Norma Publ., Infra-M Publ., 2021. 624 p.
18. Pivovarov D.V. Metod alternativ [Alternative method]. *Natsional'naya filosofskaya entsiklopediya* [National Philosophical Encyclopedia]. Available at: <https://terme.ru/termin/metod-alternativ.html> (accessed 19.05.2022).
19. Polanyi K. *Velikaya transformatsiya: politicheskie i ekonomicheskie istoki nashego vremeni* [The Great Transformation: The Political and Economic Origins of Our Time]. St. Petersburg, Aleteiya Publ., 2002. 320 p. (In Russian).
20. Popov S.N. Pravo v dogosudarstvennykh obshchestvakh [Law in pre-state societies]. *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta = Bulletin of Chelyabinsk State University*, 2008, no. 11, pp. 23–32.
21. Smit A. *Issledovanie o prirode i prichinakh bogatstva narodov* [An Inquiry into the Nature and Causes of the Wealth of Nations]. Moscow, Mysl' Publ., 1962. 684 p. (In Russian).
22. Stratulat I.V., Frolov D.P. Transaktsionnyi sektor ekonomiki: kontseptualizatsiya i institutsionalizatsiya [Transactional Sector of Economy: Conceptualization and Institutionalization]. *Sovremennye problemy nauki i obrazovaniya = Modern problems of Science and Education*, 2015, no. 1, pt. 1, p. 467.
23. Sukhareva M.A. Ot kontseptsii postindustrial'nogo obshchestva k kontseptsii ekonomiki znaniy i tsifrovoi ekonomiki: kriticheskii analiz terminologicheskogo polya [From the theories of post-industrial society to the concept of knowledge economy and digital economy: a critical analysis of the terminology field]. *Gosudarstvennoe upravlenie = Public administration. E-journal*, 2018, no. 68, pp. 445–464.
24. Toffler A. Tret'ya volna [The third wave]. *Gumanitarnyi portal* [Humanitarian portal]. Centre for Human Technologies, 2011, 27 January. Available at: <https://gtmarket.ru/library/basis/4821> (accessed 19.05.2022).
25. Williamson O.E. *The Economic institutions of capitalism. Firms, markets, relational contracting*. The Free Press, 1985 (Russ. ed.: Uil'yamson O.I. *Ekonomicheskie instituty kapitalizma: firmy, rynki, «otnoshencheskaya» kontraktatsiya*. St. Petersburg, Lenizdat Publ., 1996. 702 p.).

26. Furubotn E.G. *Institutions and economic theory*. The University of Michigan Press, 2000 (Russ. ed.: Furubotn E.G., Rikhter R. *Instituty i ekonomicheskaya teoriya: dostizheniya novoi institutsional'noi ekonomicheskoi teorii*. St. Petersburg, St. Petersburg State University Publ., 2005. 701 p.).
27. Buchanan R.A. History of technology. *Encyclopedia Britannica Online*. 2016. Available at: <https://www.britannica.com/technology/history-of-technology> (accessed: 20.05.2022).
28. Commons J.R. Institutional Economics. *American Economic Review*, 1931, vol. 21, pp. 648–657.
29. Hartley R.V.L. Transmission of information. *Bell System Technical Journal*, 1928, vol. 7, iss. 3, pp. 535–563.
30. Hazledine T. Measuring the New Zealand transaction sector, 1956–98, with an Australian comparison. *New Zealand Economic Papers*, 2001, vol. 35 (1), pp. 77–100.
31. King M. *Public Policy and the Corporation*. London, Chapman and Hall, 1977. 309 p.
32. Mas-Colell A., Whinston M.D., Green J.R. *Microeconomic Theory*. New York, Oxford, Oxford University Press, 1995. 981 p.
33. North D.C. *Institutions, Institutional Change, and Economic Performance*. Cambridge, Cambridge University Press, 1990. 160 p.
34. North D., Wallis J. Integrating Institutional Change and Technical Change in Economic History: A Transaction Cost Approach. *Journal of Institutional and Theoretical Economics*, 1994, vol. 150, no. 4, pp. 609–624.
35. Polanyi K. *The Great Transformation: the Political and Economic Origins of Our Time*. Foreword by R.M. MacIver. New York, Farrar and Rinehart, 1944. 305 p.
36. Wallis J.J., North D.C. Measuring the Transaction Sector in the American Economy, 1870–1970. *Long-Term Factors in American Economic Growth*. Ed. by S.L. Engerman and R.E. Gallman. Chicago, University of Chicago Press, 1988, pp. 95–161.

The article was received on 12.12.2021.

The article was reviewed on 25.01.2022.